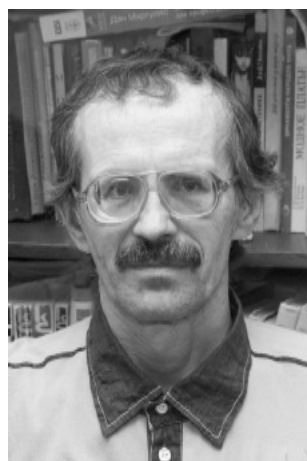

Клуб рассказчиков

Андрей ПОДИСТОВ

ВИШНЁВОЕ ВАРЕНЬЕ

На фотографию Виктор наткнулся, когда перебирал старые папки с научными публикациями. Каким-то чудом она уцелела, хотя он в свое время, прямо как спецназовец, провёл «зачистку» старых фотоальбомов, чтобы ничего не напоминало о той истории.

На крыльце Института цитологии и генетики стоит их лаба, где они – молодые, счастливые, довольные жизнью, несмотря на те самые времена, которые сейчас так ругают. В центре – их блистательный шеф Пётр Бориславович с супругой, а вокруг – выводок аспирантов-лаборантов, среди которых и сам Виктор, высокий, вполне такой ладный парень с обаятельной мордой лица и весь в кудрях. Птенцы гнезда Петрова, так их в шутку называли. У которых вся научная жизнь впереди.

А вот и Полина. Она совсем не такая, какой он её видел в последний раз...

Было это так.

Виктор вернулся в Новосибирск после многолетнего отсутствия и однажды нечаянно оказался возле дома, где когда-то жил. И надо же – нарвался возле остановки на бывшую супругу Светлану.

– Ты бы зашёл, проведаль старую любовь! – усмехнулась она вместо приветствия. – Она свою комнату в Городке продала, теперь за матушкину квартиру взялась. Здесь сейчас. Беги, а то ведь

уедет скоро! Дождалась своего счастья!

Уже сколько лет как они с женой расстались: детей у них не было, квартиру он оставил ей – чего им уж, казалось бы, делить?..

Но, похоже, некоторые женщины не умеют прощать.

Он подумал, подумал... и зашёл. К Крестинским он обычно ходил без звонков.

Так и сейчас.

Эсфирь Иосифовна, которая всегда относилась к нему хорошо, обрадовалась.

– Здравствуй, Витенька, заходи! Как давно тебя не было! Поля сейчас придёт из магазина...

Она захлопотала на кухне, как в старые добрые времена. Так же, как раньше, они посидели и с удовольствием попили зелёный чай, который Яшина мама прекрасно заваривала, с её фирменными сахарными рогаликами. Старушка жаловалась, что сын уже год живёт с дочкой в Нью-Йорке и всё никак не хочет приглашать их к себе, отговаривается тем, что проблемы с работой. Полина её уже извела со своими собаками... И вот наконец Яков позвонил: продавайте жильё! Приглашения сделал...

Какая-то некрасивая дворняжка, которой Виктор до этого не замечал, легла

под столом на его ногу. Он потрепал её загривок, и собачка сжалась, как от удара, но тут же забила хвостом по полу.

– Это Пеструшка, она трусиха, – сказала Эсфирь Иосифовна. – Бася – та злая, не вздумай её гладить, когда придут. Хотя... Тебя, Витя, всегда любили собаки и женщины!

Она мудро посмотрела на него, и он несколько напрягся.

С Яшей они учились в универе, даже дружили, но были слишком разные. На что уж Виктор не любил власть, но Якова так просто трясло от ненависти к коммунистам... Вот он и поставил целью свалить за бугор ещё в те, брежневские времена. Тогда это было непросто. Яша с отчаяния даже уезжал на несколько лет в какой-то заповедник в Приморском крае, «подальше от идеологии», как он говорил. Когда началась перестройка, вернулся и возобновил свои попытки. В Израиль не хотел, много лет писал письма в разные научно-исследовательские институты в Европе, в Штатах...

Наконец добился своего – его пригласили лаборантом в какую-то американскую медицинскую фирму. Поехал, всё равно кандидатская у нас ничего не давала. Да и его институт тогда дышал на ладан.

Интересно, знал он про Виктора и Полину?

С Полиной, Полей, Полинкой они познакомились в ИЦИГе, где Виктор уже работал довольно долго, а она только пришла. Не как это бывает обычно – в рабочей обстановке: с утра в понедельник, в синем халатике. А – празднично.

Она появилась в их лаборатории под вечер, когда готовились отмечать день рождения аспирантки Галки Бахметьевой. Привел ее сам Пётр Бориславович.

– Полина Яковлева, наш новый сотрудник, – сказал шеф, аж постукивая копытом, так ему симпатична была Поля. – Прошу любить и жаловать!

Одета она была в дикое алое платье, словно освещающее всё вокруг.

Глубокий вырез, открытые ноги.

Блестящие тёмные глаза, какой-то невероятный птичий нос, как показалось Виктору, в профиль чем-то напоминающий ахматовский, грива пышных чёрных волос. Изящна, подвижна, раскована...

За словом в карман не лезла, была остроумна и нестандартна.

И он в неё влюбился в тот вечер.

Бывают такие дурацкие случаи – обычно в школе, когда там появляется новая ученица. «Эффект новенькой» это называется.

Дам в их лаборатории был целый цветник, но все свои, да в основном замужние. А мужиков – всего два с половиной: Бориславович, Виктор да «полмужика» – щуплый близорукий лаборант Шура...

Они сидели на разных концах накрытого стола, поглощали салаты и поглядывали друг на дружку: он – украдкой, а она – открыто, дразняще.

Краснобай шеф произносил витиеватые тосты и тоже поглядывал на неё, но его у входа возле вахты уже ждала бдительная супруга, которая работала в этих же стенах, только на другом этаже.

О чём были разговоры за тем праздничным столом, Виктор уже не помнил. Конечно, поздравляли Галку, а так – обычный трёп, приколы, лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт... Всё обычно и знакомо. Кроме одного – алой, будоражащей воображение Полины...

Они пошли танцевать на второй, кажется, медленный танец. Скакали, как молодые лошади, трясая гривами, когда включали шейк. Потом сидели уже рядом, пили белое сухое вино, болтали, и им было приятно общаться.

– Эй, Витенька! – сказала ему тихо Галка, пригласив на белый танец. – Смoтри, у кошек коготки острые!

– Это ты про Светлану? – спросил он удивлённо.

– Это я про Полину Яковлеву.

Впрочем, ничего в тот вечер не случилось, да и не грозило, так они были воспитаны в те времена. Всё, что Виктор себе позволил, – это попросил лаборанта Шуру спеть под гитару песню Щербакова про вишнёвое варенье. Сам он играть и петь не умел. Сказал Поле, улыбаясь:

– Это про тебя!

Стеснительный Шура добросовестно спел эту песню, и не один раз, даже когда его уже не слушали.

– ...Вот так идет за годом год, кругом царит столпотворенье,

И век за веком растворен в круговороте суеты.

А ты ужасно занята – ты ешь вишневое варенье,

И на земле его никто не ест красивее, чем ты.

Изгиб божественной руки – всегда один и вечно новый,

И в ложке ягодка блестит, не донесенная до рта...

Не кровь, не слезы, не вино – всего лишь только сок вишневый,

Но не уйти мне от тебя и никуда, и никогда!

Виктор даже не пошёл провожать Полину.

Он просто вёл себя как влюблённый дурак. Именно это слово.

Влюбился, к сожалению, раньше, чем узнал, что это жена друга. Поля почему-то не сказала об этом, и чувство закрепилось, как фото в хорошем фиксаже, за ту неделю, пока он пребывал в неведении. Они общались по работе, разок даже сходили пообедать в столовую, шутили, он читал ей какие-то стихи... Семь счастливых дней Виктор прожил как будто целый насыщенный год.

Яшка и Полина как раз приехали из заповедника, где пытались заниматься наукой «в поле»: он исследовал кровососущих насекомых, а она изучала самоопыление растений. Но как-то не в кайф им оказалась таёжная романтика, и они, воспользовавшись Яшиными связями, сумели вернуться в Новосибирск: он – в БИН, она – в ИЦИГ.

Им даже дали комнату в Академгородке из каких-то удивительных закров Родины, но Виктор ещё не заглядывал к ним. Молодая семья жила то там, то у матушки в городе.

Яша спустя какое-то время, когда они сбежались выпить пивка у Эсфири Иосифовны, спросил, хитро улыбаясь:

– Ну, как тебе моя благоверная?

– Кто?

– Да Польша же!

– Какая Польша? – глупо спросил Виктор.

– Ну ты, старик, даёшь! – заржал Яшка. – Вы с ней уже неделю работаете!

– А почему у неё фамилия другая? – ещё глупее спросил Виктор.

– Вредная она. Не захотела менять. Нравится, говорит.

– А кольцо?

Кольца она тоже не носила. Вроде как – пережиток старины.

Яков позвал в гости, но Виктор спустил это на тормозах.

Он понял, что не сможет через это переступить, и даже резко ушел в другой отдел, куда его давно звал завлаб. Обидел Петра.

Они с Полиной виделись, конечно. На научных советах он сначала ловил её удивлённые взгляды, но разговоров избегал, и она самолюбиво не стала навязываться. Теперь они общались уже на уровне «привет-привет».

Виктор приходил к ним всего несколько раз, когда настойчиво приглашали на дни рождения, на праздники, где было много народа. Предпочитал заглядывать к Эсфири Иосифовне, которая жила рядом. От неё и узнавал, как живут Крестинские-Яковлевы.

Жили они неважно. Соперничали, кому первым защищать кандидатскую диссертацию. Вместо того, чтобы Яшка сделал её, а потом сразу же докторскую, они отпихивали друг друга локтями – игра честолюбий...

Защитились оба, но родилась Маринка – и Полина научная карьера пошла коту под хвост. Если бы она не мешала мужу, а помогала, он со своими способностями мог бы стать доктором. Они оба хотели получить от жизни всё, но сами же не давали друг другу это сделать.

Яшка был любвеобилен и иногда ходил налево, несмотря на растущую дочь. Виктор не удивлялся: тот и в универе был таким. Потом он слышал, что Полина боролась за супруга с его самой серьёзной любовницей даже через руководство института. Победила...

Однажды вечером Виктор неосторожно зашёл к ним, когда Яша уезжал на какой-то биологический симпозиум в Петербург. Что-то было нужно. Не знал...

Впервые за долгое время они с Полиной оказались наедине.

Сидели на кухне при свете торшера, пили чай. Соседей тоже почему-то не было. Кухонный стол между ними стал шахматным столиком, за которым они разыгрывали странную, почти шахматную партию.

Поля сидела возле окна на стуле, подняв ноги и обхватив колени руками.

На фоне окна, как чеканка на монете, – её ахматовский профиль...

Разговаривали обо всём и как бы ни о

чём. Об институтских делах, о политике. О том, хорошо это или плохо – уезжать. Что они всё равно уедут.

– Что здесь, в этой стране, ловить?

– А как же Родина, которая «начинается с картинки в твоём букваре»?

– Родина – это там, где хорошо...

Они были разные – но, как магниты, которые одной стороной отталкиваются, а другой притягиваются.

Реплики – как ходы, ведущие к чьему-то выигрышу. Неясно – чьему...

Что-то такое витало в воздухе, позеленённом торшером с зелёным абажуром. Какая-то напряженность, электрическое марево...

Обычные слова их плыли друг к другу, как невысказанные признания в любви.

Но тогда Виктор не знал, кажется ему или нет, что она заигрывает с ним.

Намёки, полунамёки – из них жена друга плела кружевную паутину, в которую он должен был попасть.

Поля тогда была прекрасна и загадочна, как кошка.

В какой-то момент Виктор понял: ещё немного, одно слово, одно прикосновение – и током любви его бросит к её ногам. И неважно, что есть Яша, Светлана... Нет, нельзя! Зачем эта измена, которая ничего за собой не повлечёт? Поля играет с ним, чувствует, что он в неё влюблён, и получает от этого удовольствие. Но ведь ему-то нужно всё или ничего...

Она сама разрушила чары.

Как раз заговорили про какую-то знакомую одинокую женщину в институте, которая выглядела очень неплохо для своих лет. Мол, мужики вьются около неё, как возле молодой...

– Да и я тоже ничего! – сказала Полина, неотрывно глядя на него своими загадочными кошачьими глазами. – Правда, соблазнительные ножки?

И она бесстыдным движением приподняла подол домашнего халатика, обнажая бедро.

– Да, красивые... – глухо сказал Виктор и стал прощаться.

Её, похоже, так это задело, что она не стала его удерживать.

Виктор вообще перестал бывать у Крестинских.

Через месяц развёлся со Светланой, с которой как-то совсем перестало

ладиться. Кто-то из доброжелательных подруг просветил её, что у них с Полиной роман.

Он уволился из института и уехал на много лет... Неважно куда. Хотелось избыть эту болезненную и безнадежную любовь. Если бы это было не с ним, он бы не поверил: всё-таки жизнь – это не литература.

Избыл. Время лечит всё.

Он даже вернулся в Новосибирск и... Да это неважно... Важным было воспоминание о том, как они встретились в последний раз.

Полина пришла со второй своей собакой. С истеричным лаем забежав на кухню, Бася попыталась сходу порвать Виктору штанину, но что-то сдержало её в последний момент. Не хозяйка. Его неподвижность.

Они не виделись с Полиной лет десять.

Сидели за столом на кухне, пили чай, прямо как когда-то, но разговаривали, не узнавая друг друга.

Начала беседы он не помнил, хоть убей, его переполняли эмоции. Спасибо деликатной Эсфири Иосифовне, которая замазывала своими фразами зияющие пустоты этого разговора.

Виктор смотрел на Полю и ужасался. Ассоциации возникали такие.

В душе её – мёртвая земля, на которой уже ничего не растёт, разве что любовь к её собачкам Басе и Пеструшке, которая превосходит любовь к мужу, дочери, свекрови – всем вместе взятым. Голова её по-прежнему окружена аурой царственных волос, только седых; некогда чеканный горбоносый профиль ещё о чём-то напоминает, но время уже подплатило его в своём неумолимом огне. Какая-то болезненная одутловатость размыла некогда хищную интересность её лица.

Глаза тусклые, чужие. Безжизненный равнодушный голос.

Седая старуха в сорок два года. Человечек с мёртвой пустыней в душе, где всё росло только для себя.

А по жалкому остаточку живого бегают две стервочки-собачки: одна истеричка с неправильным прикусом, другая – просто пугливая, обиженная Богом дурнушка.

– Они отвыкли от людей, – объяснила

царственно-седая Полина. – К нам гости не ходят. Только Антонина Михайловна, Маринкина бывшая учительница музыки.

Как две армии, стояли друг против друга их давние встречи, разговоры, представления о жизни, их невысказанные, но ясные отношения к любви.

После сумбура первых минут Поля бесцеремонно, как задвигают ящик старого комода, убрала из разговора Эсфирь Иосифовна.

– Давай по-деловому. Я рассказываю о себе, а ты – о себе.

Рассказала, что Яков работает в медицинской фирме, получает две тысячи долларов, но думает всё-таки перебраться из медицины в родную биологию. Четверть заработка он отдаёт за квартиру, но уже много накопили с Маринкой всякого барахла... Она подробно перечислила. Он запомнил только фотоаппарат «Кэнон», кондиционер, микроволновую печь. Каждый день едят по корзине фруктов – мелочь, а приятно. У них там – не то что у нас!

На глупый вопрос Виктора, ищет ли Яков работу для неё, ответила:

– Я работать не собираюсь! Уже не девочка, вышла из этого возраста. Мужик должен содержать семью. Надо пожить хоть немного в своё удовольствие. Когда её дурнушки облаивали его на прощание, Виктор подумал: это Поля спускает на него собак своей души, как будто мстит за что-то.

Полина с Эсфирью Иосифовной уехала к мужу с дочерью через пару недель. Виктору казалось, Якову там было хорошо и без неё. Он слышал об их тяжёлых отношениях и что они чуть не расстались незадолго до отъезда.

Представлял, как обалдели Яша с Маринкой, когда Полина привезла своих дворняжек в контейнере, заплатив за них цену ещё одного билета.

Как ему передали после, ей там страшно не понравилось. Всё оказалось не так радужно в благословенной Америке, как

виделось издали и говорилось по телефону. Они еле сводили концы с концами вчетвером, прибились к какой-то еврейской общине; Эсфирь Иосифовна с Полей даже ходили в местную синагогу, где бедных кормили бесплатными обедами. И никому они там оказались не нужны. Впрочем, всё это с Полиных слов.

Впрочем, шли 90-е, когда у нас было, наверно, еще хуже.

Полины коллеги, которым она звонила и часами разговаривала с ними, ругая Нью-Йорк, ужасались, когда она говорила, что собирается назад. Её место в институте уже заняли, жильё она продала. Куда ей было возвращаться? Кто её здесь ждал?

Конечно, она осталась там.

Как-то бывшая жена позвонила и сказала Виктору, что Полина умерла от злокачественной опухоли мозга и её похоронили на еврейском кладбище.

Злорадства в Светланином голосе не было. Смерть стирает взаимную неприязнь...

Яков ни разу не написал и не позвонил. Он сидел и смотрел на фотографический кусочек памяти.

Играла с ним Полина – или всё-таки полюбила? Могло бы у них что-нибудь получиться? Зачем он думает об этом сейчас, когда прошло столько лет и ничего уже не исправить, не вернуть? Даже вопросы задавать некому, кроме себя... Всё сменялись перед глазами две противоположных картины из прошлого: одна – самая светлая, а другая – тягостная, и обе хотелось бы забыть.

И еще старая песня звучала в памяти, только прежней сладости в ней уже не было:

Вот так идет за годом год,
 кругом царит столпотворенье,
 И век за веком растворен
 в круговороте суеты.

А ты ужасно занята –

ты ешь вишневое варенье,
 И на земле его никто не ест красивее, чем ты.